

74 Howard Simons, "Government and National Security", отрывок из доклада на съезде Американского общества редакторов газет, опубликованный в *Editor & Publisher*, Apr. 26, 1986.

75 Bok, *Secrets*, p. 208.

76 "CIA Weighs Action on Washington Post Article", *New York Times*, May 22, 1986; "CIA Director Urges Inquiry on NBC Broadcast", *New York Times*, May 20, 1986; "The Casey Offensive", *Columbia Journalism Review* 25, no. 2 (July/Aug. 1986).

77 *Columbia Journalism Review*, 19.

78 Jim Anderson, "The Pot Calls the Kettle Black", *Washington Post*, May 11, 1986.

79 "Administration is Accused of Deceiving Press on Libya", "Schultz Justifies Scaring Qaddafi By Us of Press"; "News Executives Express Outrage", *New York Times*, Oct. 3, 1986; "Spokesman Quits State Department Post on Deception Issue", *New York Times*, Oct. 9, 1986.

80 "Lesson on Flacking for Government", *New York Times*, Aug. 30, 1984.

81 Mike Royko, "Blowing the Whistle on a Loud Silence at NASA", *Orlando Sentinel*, March 11, 1986.

82 Anthony Marro, "When the Government Tells Lies", *Columbia Journalism Review* 23, no. 6 (March-April 1985); Drew Middleton, "Barring Reporters from the Battlefield", *New York Times Magazine*, Feb. 5, 1984; 36-37, 61, 69, 92; "Coverage Efforts Thwarted", *News Media and the Law*, Jan/Feb., 1984.

83 "Pentagon Activates Press Pool to Cover Libya Bombing", *Presstime*, May, 1986, 69.

84 Christopher H. Little, "Newspaper Law and Fairness", 16-18.

Генри Шульте

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ЖУРНАЛИСТАМИ*

Лицо городского мэра багрово от раздражения.

"Это нечестная игра," — зашипел он на журналистку, едва переступив порог зала заседаний муниципалитета. "Неужели вы не понимаете, что вы сделали с моей репутацией? В своей статье о Комиссии по правам человека вы совершенно неправильно расставили акценты и выпятили лишь одни ошибки".

Не желая выслушать ответ, разъяренный градоначальник двинулся прочь, а стоявший неподалеку городской советник подошел ближе и дружелюбно склонился к девушке.

"Отличный был материал. Наконец-то вы стали на нашу сторону. Не слушайте этого старого лиса," — произнес он с явным удовольствием.

Едва ли не самая сложная задача журналиста — установить отношения с чиновниками, для которых превыше всего собственные цели, в том числе зачастую карьерные соображения. Неудивительно, что журналисты не очень-то доверяют чиновникам, которые, в свою очередь, держат против прессы круговую оборону, не брезгуя самыми бесстыдными средствами

Многие журналисты с великой охотой видят себя в образе Святого Георгия, отважно выступающего с одним лишь копьём (в данном случае это портативный компьютер, видеокамера или, на худой конец, старомодная пишущая машинка) на праведную битву с могучим Драконом (это, конечно, эгоистичные политики и государственные чинов-

---

*Глава из книги: Henry H. Shulte. *Reporting Public Affairs*. Mcmillan Publishing Co., Inc. New York, 1981.

ники), готовым при первой возможности пожрать все, что только попадетя. Ничто не может поколебать их несокрушимой веры в то, что любой получатель казенного жалования всегда готов покуситься на общественные интересы, а разоблачить его — первейший долг и обязанность журналиста.

Реальная действительность далека от этой черно-белой картины. Конечно, встречаются и непоколебимые воинственные рыцари без страха и упрека, и угодливые лицемеры, делающие рекламу “нужным” политикам, которые беспринципно пользуются их услугами. Но между этими двумя крайними полюсами хватает места для великого множества журналистов и администраторов, по-своему служащих обществу и поддерживающих друг с другом хоть и “враждебные”, но в целом вполне нормальные отношения. Однако для журналистов не так-то легко найти правильное соотношение между сотрудничеством с политиками и наблюдением за их деятельностью. Здесь сразу возникает ряд вопросов:

1. Если уж пресса и власти не в состоянии наслаждаться идиллической дружбой, в чем именно состоит их “соперничество”?

2. Как далеко можно зайти в подобной “конкуренции”?

3. В какой мере прессе позволительно сотрудничать с правительством или помогать ему, не скомпрометировав себя и свои принципы?

С одной точки зрения, конкуренция между прессой и властями неизбежна просто потому, что цели сторон различны и несовместимы. Журналисты добывают информацию, в то время как бюрократы, стремящиеся сохранить свое положение, вовсе не желают ею делиться. Другое объяснение этого соперничества состоит в том, что общество не слишком доверяет своим избранным и назначенным “слугам”, и именно пресса заставляет власти отчитываться перед согражданами в своих действиях. Есть и третье мнение: пресса в принципе совсем не враждебна государ-

ству, дело лишь в том, что добывая информацию, в которой заинтересовано общество, пресса по необходимости оказывает давление на власти. Это не мешает журналистам и официальным лицам понимать и уважать друг друга, что и создает основу для нормальных рабочих отношений.

При подобных интерпретациях не стоит забывать, что враждебность остается враждебностью, как ее ни приукрашивай. Известный толковый словарь Вебстера определяет соперника как оппонента, антагониста, врага или противника в игре. Отношения между прессой и властями игрой никак не являются, но это не делает их более простыми и мирными. Чтобы это почувствовать, попытайтесь расставить на шкале от полной враждебности до откровенного угодничества следующие ситуации:

— Некий обладатель официальной должности приглашает репортера на обед и не разрешает ему оплатить свою долю скромного счета.

— Через какое-то время тот же чиновник предлагает журналисту “закулисные сведения” о том, как принималось решение о строительстве новой электростанции, и просит опубликовать эти сведения.

— Журналист обращается к лицу, считающемуся недоброжелателем его “заказчика”, рассчитывая получить против того какие-то улики.

— Работая над статьей, журналист консультируется с другим официальным лицом, заранее зная, что тема не представляет для того личного интереса.

— Репортер вместе с первым администратором едет на сессию законодательного собрания в другой город. По дороге он болтает о политике и выслушивает воспоминания своего визави, как тот был начинающим адвокатом и с трудом мог содержать семью.

— Когда знакомца нет в городе, репортер навещается к его секретарше, пытаясь разузнать, поддерживает ли тот некоего кандидата на должность федерального судьи.

— Зная, что администратор в частном порядке встреча-

ется с помощниками, пытаясь урегулировать весьма неприятное дельце, еще не ставшее достоянием гласности, журналист придерживает сведения об этих совещаниях.

— Журналист знает, где происходят эти закулисные встречи и караулит у дверей, чтобы “расколоть” кого-нибудь из участников и узнать, что именно обсуждалось и кто что сказал.

Конечно, на поведение журналиста в каждой из этих ситуаций влияют многие факторы, такие как размер ресторанного счета, причина поездки на сессию законодательного собрания, тираж газеты и нравы города, где она выходит. Что обсуждалось во время первого обеда — банальности или нечто важное? Хватит ли репортеру опыта, чтобы понять, насколько он рискует репутацией, принимая приглашение?

Отношения между журналистом и чиновником зависят от длительности знакомства и степени взаимного дружелюбия. У репортера есть собственное начальство, которое может либо предостеречь его от любых искушений, либо посоветовать согласиться на randevu, обещающее ценную информацию.

Небезразлично и место работы журналиста, будь то маленький городок или Вашингтон. Правда, ранг официального лица может быть настолько высок, что эти различия теряют значение. Одно дело, если репортера пригласил влиятельный сенатор, ненадолго заехавший с визитом, и совсем другое, если встреча проходит по инициативе кандидата на должность местного шерифа. Наконец, как уже говорилось, характер конкурентных отношений между прессой и чиновниками зависит и от личного опыта каждого отдельного журналиста.

ЕСТЕСТВЕННАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Многие считают, что существует своего рода естественная напряженность в отношениях между правительством —

носителем государственной власти и прессой, освещающей, интерпретирующей и критикующей использование этой власти. Политолог Итиэль де Сола Пул считает, что эта напряженность вытекает из противоречивого статуса журналиста:

“Чтобы успешно делать свою работу, журналист должен иметь доступ к политикам и пользоваться их доверием, но при этом он обязан правдиво информировать общество. Журналисту приходится вступать в конфиденциальные отношения со своими источниками и охранять их анонимность, но в то же время его долг состоит в разоблачении всех и всяческих тайн... В итоге отношения между политиком и журналистом больше всего напоминают неудачный брак. Они необходимы друг другу и в то же время не могут преодолеть взаимной неприязни”.

Другой исследователь, Уильям А.Риверс, полагает, что слишком многие журналисты соглашаются на роль “наперсников” федеральных, штатных и местных чиновников. Риверс на стороне тех работников средств массовой информации, которые бросают вызов миру официальной власти. Журналист не должен принимать ничего на веру отнюдь не потому, что чиновники лгут. Такое бывает, но не это главное. Гораздо чаще просвещенные и желающие блага обществу чиновники, искренне верящие в действенность своих программ, непреднамеренно вводят публику в заблуждение. Вряд ли они бы работали столь ревностно, если бы не верили в то, что делают. Но беда в том, что чиновники видят общественные интересы со своей собственной колокольни и в очень узкой перспективе. Поэтому реальные интересы общества неминуемо пострадают, если независимая пресса не будет тщательно наблюдать за действиями чиновников.

По моему глубокому убеждению, политический журналист обязан противопоставлять себя власти. Как сказал пресс-секретарь покойного президента Джонсона Джордж Риди, отношение официального лица к средствам массовой

информации определяется тем, в какой степени они, по его мнению, способствуют или препятствуют движению к общей цели, в то время как журналист воспринимает свою работу просто как описание реальной действительности. Расхождения между этими точками зрения неизбежны. Политик стремится осуществить свои программы, сведя к минимуму возможное сопротивление, и поэтому, как правило, он хочет избежать особого шума. Если это удастся, решение принимается без публичных дебатов”.

Не все политологи разделяют подобные взгляды. Например, Ирвин Кристал* считает, что отношения прессы с государством нельзя считать соперничеством. “Враждебность не может быть односторонней. Если пресса враждебна правительству, должно ли правительство платить той же монетой? Я думаю, что для правительства соперничество с прессой такая же глупость, как и для прессы соперничество с правительством”.

Эти противоположные точки зрения выражают принципиально различные взгляды на общественную роль прессы и ставят новые вопросы.

Есть ли предел задиристости, которую должен выказывать журналист в отношениях с официальными лицами? Существуют ли границы напряженности, которые репортеру не следует преступать?

Если соперничество между прессой и властью вообще может существовать, оно означает балансирование на грани такта и антагонизма, сотрудничества и конфликта. Такое равновесие очень легко нарушить.

Как отмечал покойный обозреватель Уолтер Липпман, если пресса и правительство имеют общую обязанность “давать обществу истинную картину происходящего, не может ли их соперничество исказить эту “картину” и затруднить ее понимание широкой публикой?”.

Леон Сигал считает журналистов важнейшими “союз-

никами” государственной власти. Вот что он пишет в своей книге “Журналисты и официальные лица”:

“Благоприятное освещение в прессе может способствовать успеху программы, выдвинутой данным администратором. В его силах повысить вероятность такого освещения, предложив журналисту эксклюзивную информацию — опубликовав такие сведения, репортер повысит свой профессиональный престиж... Информировав репортеров, чиновники и политики обычно рассчитывают, что те не окажутся неблагодарными”.

Бывший госсекретарь Генри Киссинджер в принципе признает реальность соперничества между прессой и властью, но считает, что оно имеет свои границы. Выступая в 1976 г. на съезде Американского общества газетных редакторов, Киссинджер призвал средства массовой информации стараться понять реальные сложности принятия политических решений и избегать негативизма, освещая действия политиков.

“Я хотел бы подчеркнуть, — сказал он тогда, — что наша страна, по моему мнению, прошла через болезненное и трудное десятилетие. Отношения между правительством и прессой нередко напоминают конфликты полководцев, вновь и вновь проигрывающих прежние битвы.

Я вполне понимаю важность здорового соперничества между властью и средствами массовой информации, но все мы — американцы, участники общего дела. Нельзя забывать, что мир и прогресс человечества в конечном счете зависят от американской дальновидности и упорства”.

Киссинджер — признанный мастер тонкой аранжировки сообщений для прессы. Интересно, что он ни разу не комментировал взгляды аккредитованного при Белом Доме журналиста, который в 1977 г. занял явно “враждебную” позицию по отношению к тогдашнему президенту Джимми Картеру, когда писал, что

“Всего через пять с половиной недель после вступления

* Главный редактор журнала “The National Interest”.

в должность Картер, по-видимому, вполне проникся отношением своих предшественников к секретности и борьбе с утечками информации. Выразив “серьезную озабоченность” тем, что чересчур много народа имеет доступ к сведениям о секретных операциях спецслужб, Картер заявил, что необходимо ограничить доступ к подобным данным”.

В приведенном выше описании легко усмотреть намек на взаимную враждебность правительства и прессы. Впрочем, многие политики и администраторы прекрасно понимают, что средства массовой информации в состоянии оказать весьма серьезное влияние на деятельность и даже состав правительства — обнародовав информацию самого разного характера, порой даже сомнительную.

Пресс-секретарь Белого Дома может потребовать убрать с брифингов телекамеры, посчитав, что это в интересах президента. Когда пресс-секретарь Картера Джоди Пауэлл именно так и поступил, тележурналист Сэм Доналдсон объяснил его действия так:

“Пауэлл считает телевидение “горячим” средством массовой информации — телепередачи сильнее воздействуют на аудиторию, нежели печатное слово. Он очень искусно использует на брифингах различные трюки — импровизацию, выдумки, уход от вопросов. Поэтому-то он и не хочет, чтобы зрители видели его поведение во время встреч с журналистами”.

Такое описание противоречит убеждению Липмана, что правительство обязано “давать обществу истинную картину происходящего”, однако иллюстрирует взаимное соперничество между властями и прессой. Вот что пишет по этому поводу пресс-секретарь президента Джонсона Джордж Риди:

“Любые политические осложнения ухудшают отношения между прессой и президентом. В сознании сотрудников Белого Дома пресса ассоциируется с неприятностями для президента. Репортеры — это сторонние наблюдатели, задающие массу малоприятных вопросов”.

БЫВАЕТ ЛИ ПОЛЕЗНАЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ?

Как считают некоторые сторонники “теории противоборства” между прессой и правительством, такое противоборство полезно для системы в целом, поскольку служит защитой от опасных для общества политических альянсов. Но все равно не ясно, какую степень подобной враждебности следует считать необходимой? Не вредит ли общественным интересам слишком сильное противоборство власти и прессы, подрывающее веру в достижение общенациональных целей?

По мнению репортера Жюля Уитковера, пресса, освещающая работу правительства, должна следовать трем основным принципам:

1. Сообщать о том, что утверждают власти.
2. Выяснять истинность этих утверждений.
3. Определять, могут ли работать предложенные программы (или, если речь идет об уже осуществленных, оценивать степень их выполнения и продуктивности).

Эти рецепты выглядят очень простыми и логичными. Тем не менее, политолог Итиэл де Сола Пул допускает для прессы еще одну функцию: формировать общественный консенсус по отношению к общенациональным политическим программам, который бы гарантировал их осуществление, несмотря на все разногласия, неизбежные в такой огромной стране как Америка.

Способна ли пресса одновременно цементировать общество и в то же время служить источником критики, подчас даже и злоупотребляя своим влиянием?

Многие верят, что пресса действительно способна поддерживать предложения и программы, не вызывающие раскола в обществе, и тем самым формировать единство мнений в национальном масштабе. Однако противники этой идеи отмечают, что не так-то легко провести четкую границу между спорными и относительно бесспорными вопросами.

Прекрасным примером может служить освещение американскими средствами массовой информации войны в Индокитае. В 1968 г. администрация Линдона Джонсона назвала январское наступление, приуроченное к вьетнамскому празднику Тет, “крупной победой союзников”, разрушившей боеспособность Вьетконга. Сотрудники администрации резко критиковали прессу, настаивавшую, что для американских войск эта операция обернулась фактическим поражением. Через несколько лет, после публикации документов Пентагона с подробной информацией об участии США в войне в Индокитае, пресса и публика узнали, что американское военное руководство на самом деле прекрасно знало, что Вьетконг сохранил свои ресурсы и война будет продолжаться.

Хотя администрация настаивала, что война во Вьетнаме велась ради защиты мира и свободы, миллионы американцев считали иначе, и пресса информировала аудиторию об этих расхождениях во взглядах. Эти дебаты прекрасно иллюстрируют обсуждение явно “конфликтной” проблемы, вызвавшей серьезные споры в обществе. Однако нетрудно привести и другие примеры, где “конфликтность” не столь заметна.

— Чтобы не допустить развития инфляции, правительство просит население не запасаться товарами впрок, и пресса публикует эти обращения.

— Чтобы уменьшить число жертв дорожных происшествий, правительство призывает автомобилистов пользоваться пристяжными ремнями и не превышать предела скорости на дорогах.

— В целях защиты окружающей среды власти настаивают на переработке консервных банок и бумажных отходов и призывают население тщательно закрывать водопроводные краны.

— Пресса превращает спасенного во время лесного пожара медвежонка Смоки в символ борьбы за сохранение лесных богатств.

— Пресса поддерживает выпуск облигаций для финансирования школ, библиотек и прочих полезных учреждений.

Нельзя заранее сказать, вызовут ли эти ситуации разногласия в обществе — все зависит от того, какова будет реакция публики в целом и самих заинтересованных групп в частности. Почти любой выпуск облигаций, связанный с увеличением налога на собственность, наверняка окажется спорным делом. Шоферы-”дальнобойщики” скорее всего заявят, что 55-мильный предел скорости на автострадах действительно может спасти сколько-то жизней, но слишком дорого обойдется им и всей стране, да к тому же мало кто будет его соблюдать.

В общем, пресса, безусловно, — важнейший инструмент информирования общества о процессе принятия политических решений, но насколько она способствует общественному “сплочению” — это еще вопрос. Если даже некое решение внешне не вызывает особых разногласий, из этого вовсе не следует, что пресса его поддержит. А пока нет конца спорам, что есть средства массовой информации — партнер власти или же ее соперник.

Журналисты и сами критикуют прессу. Известный публицист Патрик Бьюкенен, занимавший важную должность в Белом Доме при президенте Никсоне, считает, что пресса вступает в противоборство лишь “с теми лицами и институтами, с которыми расходится во мнениях”, а с остальными “согласовывает свои действия и сотрудничает”. В то же время обозреватель “Нью-Йорк Таймс” Том Викар настоятельно подчеркивает, что соперничество между средствами массовой информации и властями необходимо:

“Часто говорят, что правительство неработоспособно, если чиновники не в состоянии решить внутренних проблем за закрытыми дверями. Однако документы Пентагона о войне во Вьетнаме с небывалой ясностью демонстрируют, что если официальные лица защищены от надзора об-

щества, пусть и весьма неприятного, их действия абсолютно неконтролируемы”.

ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ РАЗНОГЛАСИЙ

Стараясь нащупать разумные границы соперничества, журналисты и администраторы практически никогда не находят общего языка. По мнению политолога Пола Уивера, это можно отчасти объяснить литературной формой представления новостей, где господствуют либо похвалы, либо порицания. В то же время стиль аналитиков нейтрален, с обязательным сопоставлением достоинств и недостатков различных политических курсов. Журналисты же заявляют, что язык современных политиков весьма далек от спокойной беспристрастности, хотя сами они этого могут и не замечать.

Уильям Кристол* рассуждает по-другому. По его мнению, журналистам (как, впрочем, и политикам) часто не хватает специальных знаний, чтобы действительно серьезно обсуждать сложные проблемы современного государства. Поэтому, пишет Кристол, репортеры ограничиваются процедурными аспектами политических решений, в которых они неплохо разбираются, описывая, скажем, позиции отдельных конгрессменов или ход судебных заседаний. В итоге, полагает Кристол, вместо точной подачи фактов торжествует пристрастный и воинственный стиль.

Редактор Гарольд Листон не согласен с такой интерпретацией. Он утверждает, что критика прессы направлена не на само правительство, а на конкретных лиц, его составляющих, — политиков и администраторов:

“Противники могут разделять кое-какие цели и взгляды. Адвокаты часто имеют общую цель, даже если выступают в качестве противников. В любом случае, я не встре-

*Сын Ирвина Кристола, в прошлом глава штата сотрудииков вице-президента Куэйла.

чал ни единого юриста, который бы не заявлял, что истина и справедливость на его стороне”.

Листон делает важное уточнение:

“Я не в восторге от бездумного использования слова «соперничество» для описания отношений прессы с правительством. В любом случае не следует считать, что пресса враждебна американским институтам. Однако свободная пресса должна использовать не один лишь добродушный скепсис, но и другие инструменты”.

Листон рассуждает вполне разумно. Политическому репортеру ежедневно приходится сталкиваться с теми, от кого зависит работа больших и малых государственных учреждений. Сообщения о программах, выступлениях и действиях этих людей постоянно мелькают в новостях, что само по себе превращает их в общественные фигуры. Журналисты гораздо чаще получают сведения, пользуясь личными контактами в правительственных ведомствах, нежели изучая документы.

Основные функции Службы внутренних сборов США (федерального налогового ведомства) редко обсуждаются и оспариваются прессой, которая тем не менее своевременно информирует население о налоговых правилах и их изменениях.

Так называемые отношения соперничества возникают под влиянием многих факторов. Все может оказаться важным — журналистский стиль, характер редактирования, место данного сообщения среди других новостей. Бывали случаи, когда использование многозначных глаголов превращало совершенно нейтральные по замыслу редакторов сообщения в почти что обвинения.

“СЕКРЕТЫ” ПРАВИТЕЛЬСТВА

Можно спросить, при каких обстоятельствах вторжение прессы в дела властей начинает приобретать характер

необоснованного и потому недопустимого противостояния? По мнению некоторых журналистов, репортер вправе использовать любую информацию, попавшую в его руки. Они считают, что такая установка сама по себе неминуемо вызывает враждебность между средствами массовой информации и правительством.

В 1970 г. обозреватель Джек Андерсон получил Пулитцеровскую премию за то, что обнародовал конфиденциальные детали заседаний президентского Совета национальной безопасности. Администрация Ричарда Никсона внешне не выказывала предпочтения ни одной из сторон в индо-пакистанском конфликте, однако советник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер за закрытыми дверями требовал, чтобы Государственный Департамент занял пропакистанскую позицию. Андерсон подвергся критике за то, что, по мнению властей, его публикация нанесла ущерб национальной безопасности Америки.

Можно возразить, что Андерсон получил свои сведения в высших коридорах власти, а сам фактически исполнил роль курьера. Действительно, репортер может стать орудием чиновника, желающего организовать утечку информации. Уж если журналист раздобыл закрытые сведения, их практически невозможно засекретить снова, и такая публикация обычно лишь усиливает ощущение враждебности между прессой и властями.

Вот прекрасный пример подобной ситуации. Допустим, фирма планирует построить новое предприятие, и сразу несколько городов выражают желание предоставить свою территорию — строительство обещает тысячи рабочих мест и экономическое процветание. Ходят слухи, что фирма склоняется в пользу одного из городов. Все переговоры идут за закрытыми дверями, и городские чиновники уверены, что обнародование предварительного решения может помешать успеху сделки. Репортер городской газеты обе-

щает сохранить этот “секрет”, ожидая момента, когда власти сами сделают официальное заявление.

В итоге информация будет преднамеренно положена под сукно, хотя, в конце концов, и выйдет на поверхность. Но дело в том, что правило “воздержитесь от публикации, пока не получите от нас эксклюзивную информацию” не всегда легко применить.

Газета другого города, шансы которого не столь блестящи, знает, что терять нечего, и вполне может обнародовать известные ей сведения. В итоге тайное становится явным, несмотря на все предостережения муниципальных чиновников.

Закулисное обсуждение этой гипотетической сделки может привести и к другим последствиям. Скажем, фирма может установить автоматическое оборудование, и число рабочих мест окажется в десять раз меньше, чем надеялись городские власти. Территория, выделенная городом под строительство завода, не будет использована оптимальным образом. У сделки окажется больше минусов, чем плюсов. Если бы с самого начала обсуждение было открытым, этого бы не произошло. В итоге репортер, согласившийся промолчать, рискует потерей профессиональной объективности и независимости.

КАКИЕ ГРАНИЦЫ НЕ СЛЕДУЕТ ПРЕСТУПАТЬ?

Телерепортер в прямом эфире непринужденно беседует с мэром города. До поры до времени его вопросы вполне безобидны — строительство новых очистных сооружений, уборка снега и приобретение муниципалитетом участка берега для зоны отдыха. Но ход беседы меняется. На прошлой неделе один из членов муниципального совета неожиданно подал в отставку, сославшись на дела и семейные проблемы. И вот репортер внезапно спрашивает мэра, как повлияет уход этого члена совета на предстоящее голосование по поводу

введения городского подоходного налога. Мэр мгновенно чувствует неладное — эта тема отнюдь не безобидна — и отвечает с осторожностью.

“Здесь есть над чем задуматься муниципальному совету, Боб, но, если вы не возражаете, я пока не хотел бы говорить об этом”.

Репортер оставляет скользкую тему и переходит к другим вопросам. Однако остается непонятным, когда именно скрытое и внешне незаметное соперничество между властями и прессой начнет чрезмерно усложнять работу административных органов (в данном случае — городских)?

Ни один журналист не станет утверждать, что вполне законный вопрос о последствиях отставки члена муниципального совета можно посчитать недопустимым давлением на мэра. Но что произойдет, если журналист не примет во внимание нежелание мэра обсуждать эту тему и вернется к ней вторично, да еще присовокупив, что граждане имеют право на информацию? Допустим также, что после еще одной уклончивой реплики репортер, настаивая на ответе, повторит вопрос и в третий раз.

При желании журналист может внезапно превратить спокойное и дружелюбное интервью в нечто весьма неприятное, изрядно подпортив отношения между сторонами. Представим себе, что репортер вдруг произнесет, повернувшись к зрителям: “Посмотрите на выборное лицо, не желающее отвечать на вопрос, вызванный нашей заботой об общественных интересах”. А потом вновь обернется к главе города и спросит: “Итак, господин мэр, вы собираетесь отвечать или нет?”.

Вопрос, о котором идет речь, был задан задолго до того, как беседа перешла в столь напряженную фазу. Если репортер сперва дает вопросу повиснуть в воздухе, а затем агрессивно настаивает на ответе, то такое поведение можно считать недобросовестным по отношению к собеседнику. С другой стороны, если журналист, желая сохранить хоро-

шие отношения с мэром, позволяет тому без последствий уклониться от ответа, он не выполняет своей профессиональной обязанности информировать публику обо всех аспектах и последствиях отставки члена муниципального совета. Пусть и несколько рискованно для себя самого, но журналист мог бы попробовать по сильнее нажать на мэра.

Таким образом, отношения соперничества оказываются балансирующими на грани такта и антагонизма, сотрудничества и грубой враждебности.

А вот другой пример. Председатель местного школьного совета, по профессии врач, бережет время и встречается с репортерами только в часы работы совета. Репортер утренней газеты, считающий, что вправе задавать официальным лицам вопросы в любое время суток, в полночь поднимает председателя с постели, чтобы задать несколько вопросов о школьных делах. Тому эта вольность кажется как минимум неуместной, и в итоге он расценивает и самого журналиста, и его публикации как “конфронтационные”. Все могло бы быть иначе, если бы редактор газеты уступил просьбе председателя и отозвал репортера.

Когда в 1971 г. газете “Нью-Йорк Таймс” удалось получить копию совершенно секретного многостраничного отчета Министерства обороны об американских действиях во Вьетнаме, ее редакторы начали публиковать эти документы. Тогдашний министр юстиции Джон Митчелл добился судебного постановления, временно запретившего дальнейшую публикацию этих материалов на том основании, что она затрагивала интересы национальной безопасности Соединенных Штатов.

В этом случае правительство решило, что пресса перешла границы допустимого и потому ее нужно остановить. Даже некоторые члены журналистского корпуса сочли, что нельзя было предавать огласке столь деликатные сведения, несмотря на то, что отчет был подготовлен за несколько лет до начала его публикации в газете.

Хотя Верховный Суд США, в конце концов, поддержал право прессы печатать упомянутые документы Пентагона и “Нью-Йорк Таймс” возобновила публикацию, это не снимает проблемы, обозначенной в заглавии настоящего раздела — до какой степени пресса может противопоставлять себя государственной власти? Общий ответ на этот вопрос так до сих пор и не сформулирован.

РАДИ “АДМИНИСТРАТИВНОГО УДОБСТВА”

Корреспондент вполне солидной газеты, освещающий работу муниципалитета, узнает, что открылась важная административная вакансия, поскольку прежний обладатель этой должности ушел в отставку. Работая над репортажем, журналист узнает кое-какие важные детали. Мэр хочет назначить на освободившееся место своего политического союзника, однако не может сделать этого без согласия своей партии. При этом он хочет избежать неприятной ситуации, которая возникнет, если партия открыто не одобрит его первого выбора. Ведь тогда придется предложить эту должность кому-нибудь еще. Так что нет ничего удивительного, что мэр предпочитает вести переговоры о назначении и партийном одобрении в секрете от посторонних.

С точки зрения самого мэра такая тактика вполне допустима. Однако репортер обязан задать самому себе ряд вопросов. Если ради “удобства” городского начальства он воздержится от любых намеков на то, кому мэр хочет предоставить открывшуюся вакансию, не пострадают ли интересы общества? Действительно ли горожанам важно узнать имя кандидата за несколько дней до того, как оно будет объявлено публично?

Возникают и другие вопросы. Стоит ли тратить силы, на добывание сведений, которые так или иначе будут вскоре официально обнародованы? Не будет ли публикация имен кандидатов до официального объявления всего лишь ненужной порчей отношений с властями?

В связи со сказанным не лишне привести мнения редакторов “Нью-Йорк Таймс” Макса Френкеля и Джеймса Рестона. Вот что пишет Френкель об ублажении администраторов и его последствиях:

“В бытность мою дипломатическим корреспондентом, мне приходилось спорить с Рестоном. Он считал, что для престижа газеты чрезвычайно полезно за три дня до официального объявления разузнать и сообщить, кого назначили новым послом в Москве. В подобных случаях я говорил: «Джеймс, я могу это выяснить. Это несложно, да и займет всего парудней. За это же время я смогу разузнать кое-что поважнее, но, потратив время на твое задание, мы безвозвратно упустим эту более важную информацию. Зачем же тратить силы, чтобы узнать имя посла, которое все равно станет известным из официальных источников?».

Рестон считал, что я не проявляю достаточного рвения. По его мнению, главная добродетель газетчика — всегда быть первым. Рестон утверждал что обыкновение ждать сообщения властей именно в тот момент, когда власти желают сделать это сообщение, может привести к недоразумениям в гораздо более серьезных ситуациях”.

ОПАСНОСТИ КУМОВСТВА

Председатель муниципальной комиссии вошел в ресторан и направился к дальнему столику. По пути он сердечно поздоровался с репортером местной газеты и предложил ему ознакомиться с планами реконструкции гавани, которые сам председатель активно поддерживал. Журналист был чрезвычайно доволен столь дружеским обращением со стороны влиятельного лица, тем более что рядом было полно знакомых.

Можно спорить, как столь явное и публичное панибратство повлияет на то, как напишет репортер о показанном ему проекте. Однако описанная ситуация позволяет задать

ряд законных вопросов об отношениях между администраторами и прессой.

Работа журналиста состоит в том, чтобы знакомить публику с деятельностью властей. Выполняя свои профессиональные обязанности, он встречается с известными и влиятельными (на местном, штатном или федеральном уровне) фигурами. Найдется ли работник средств массовой информации, которому бы не польстило внимание таких людей, даже если это лишь приветствие в людном месте? А подобные знаки внимания сыпятся сплошь и рядом, даже и без предъявления корреспондентского удостоверения — официальным лицам хорошо известно влияние прессы.

Результатом приятельских отношений между чиновниками и репортерами часто бывают косвенные сделки. Конечно, нет никакой речи о грубом подкупе. Просто журналист может не включить в репортаж кое-какие неприятные сведения, прекрасно осознавая, что именно так можно сохранить и расположение высокопоставленного знакомого, и, следовательно, свой собственный доступ к важной информации. А вот чрезмерная страсть к разоблачениям чревата риском утратить этот доступ. Вполне понятно, что журналистам свойственна осторожность при работе с материалами, угрожающими их контактам в официальном мире.

Здесь возникает своеобразный парадокс. Журналист попросту не может работать без подобных связей, но если они становятся чересчур близкими и устойчивыми, то он сам превращается в часть административной системы, и ему оказывается выгодней скрывать злоупотребления от глаз публики, а не разоблачать их. Конечно, с этим искушением можно справиться, что и делают хорошие журналисты. Корреспондент одной из Вашингтонских газет Джеймс Маккартни предупреждает, что потеря независимости порождает и более серьезные проблемы. Он пишет:

“Некоторые репортеры настолько ангажированы официальными лицами, что перестают быть беспристрастными

наблюдателями и даже, хотя это крайний случай, действуют в качестве рупоров своих покровителей. Им уже не хочется пользоваться другими источниками информации, выискивать и публиковать альтернативные точки зрения. Свыкнувшись с подобной ролью, такие журналисты фактически становятся неофициальными пресс-агентами тех, о ком пишут”.

ОРУЖИЕ “ВОЙНЫ”

Для защиты от журналистской назойливости существует масса средств. Это цензура (там, где она возможна), ограничение доступа к информации и просто обман. Каждый опытный представитель власти знает немало подобных приемов.

У прессы, однако, есть средства защиты, самое традиционное из которых — разузнать и сообщить о событиях, которые кое-кто из начальства предпочел бы сохранить в тайне от широкой публики. В результате журналисты и представители власти все время разыгрывают военные сражения, исход которых обычно ничейный.

Покойный газетный редактор В.М. Ньютон, свято веривший в необходимость здорового противоборства между прессой и чиновниками, поощрял своих сотрудников вынюхивать злоупотребления властей. Он предупреждал, что иногда скрытая вражда средств массовой информации и официального мира может проявиться в открытую:

“Политик должен формировать у публики доброжелательное отношение к правительству, а журналист обязан поставлять объективные и точные сведения о работе правительства. Иногда эти цели настолько расходятся, что политик хватается за микрофон и заверяет публику, что журналист — последняя сволочь”.

Журналист нередко может оказаться в сложном положении по отношению к официальным лицам, чьи цели и

политические курсы отнюдь не всегда совпадают. Вот что пишет о таких ситуациях Уильям Смолл:

“Конгрессмены делятся сведениями отнюдь не из альтруизма и веры в идеалы демократии. Они делают это ради собственной выгоды, сообщая журналисту лишь то, что считают полезным для себя. Но законодатели и администрация нередко имеют совсем разные цели, и именно поэтому первые нередко превращаются в естественных союзников репортеров и в наилучшие источники информации”.

По мнению Герберта Ганса, журналист и политик связаны системой взаимных обязательств, которая как бы втягивает журналиста в процесс принятия политических решений, позволяя увидеть этот процесс с изнанки. В благодарность за эту осведомленность журналист избегает открыто затрагивать кое-какие аспекты деятельности правительства:

“Репортер знает все (или почти все), но не обо всем может рассказать публике. Политик, со своей стороны, рассказывает журналисту все (или максимум того, что может себе позволить), прекрасно понимая, что многое из сказанного ни при каких условиях не появится в следующем выпуске газеты. Отношения между политиком и журналистом больше напоминают перетягивание каната, чем упорядоченную систему. Политик всегда пытается сообщить поменьше, а репортер — опубликовать побольше, но не подпортить отношений с источником информации”.

Это перетягивание каната нигде не заметно настолько сильно, как в ходе избирательных кампаний. Впрочем, многие считают, что это бесконечный процесс, поскольку политики постоянно озабочены следующими выборами.

Если авторы редакционной статьи поругивают политика, они обычно не забывают, что газетное начальство на следующих выборах может поддержать его кандидатуру, невзирая на все недостатки. Критику же всегда можно смягчить, назвав ее “конструктивной”. Зная человеческую природу, не приходится удивляться, что журналист, при-

ятельствующий с официальным лицом, “не заметит” пропагандистской сущности исходящих от этого лица пресс-релизов и опубликует их содержание почти (или полностью) без редактирования, не упомянув источник информации. Быть может, такое поведение отчасти прощительно редакторам небольших газет, которым важно поторопиться отпечатать тираж к сроку, но к подобным оправданиям чересчур часто прибегают и руководители других изданий. Подобная практика чревата тем, что пресса вместо того, чтобы служить обществу, может превратиться в нерассуждающую служанку властей.

Для журналиста лучшее оружие против кумовства с официальными лицами — понимание, что кумовство опасно, и независимость собственных суждений. Вот мнение редактора “Нью-Йорк Таймс” Джеймса Рестона, сторонника умеренного противоборства между средствами массовой информации и властями:

“Если и пресса, и правительство, функционируют нормально, то они являются союзниками и опираются на ту часть общества, которая не бежит от реальности, а хочет видеть ее такой, какова она есть. Умные политики не могут «манипулировать» репортерами, а хорошие журналисты отнюдь не считают, что их святая обязанность — посильнее «врезать» правительству. Для прессы и политической системы мы гораздо полезней не враждовать, а сотрудничать друг с другом и здравомыслящим меньшинством общества”.

ПОДХЛЕСТЫВАТЕЛЬ ИЛИ СТОРОЖЕВОЙ ПЕС?

Местная пресса особенно эффективна в выполнении следующих функций:

Репортерская — точное и взвешенное информирование населения о работе властей.

Контрольная (функция “сторожевого пса”) — выявление данных об ошибках, некомпетентности или злоупотреблениях официальных лиц.

Критическая — независимая оценка деятельности различных учреждений и официальных лиц.

Коммуникационная — публикация различных мнений и дискуссий по интересующим общество вопросам.

Защитная (функция омбудсмена) — помощь гражданам в доведении их мнения до сведения властей.

В дополнение к этим несомненным задачам прессы некоторые журналисты и политологи упоминают еще одну — она выступает в качестве подхлестывателя, побуждая сограждан к осуществлению тех или иных целей, способствующих (по ее мнению) общественному благосостоянию.

Однако слово "подхлестыватель" ассоциируется с ревностным энтузиастом, взирающим на окружающее через розовые очки, не замечая никаких недостатков. Некоторые журналисты предлагают заменить это слово на "общественный организатор" или "ответственный гражданин". Независимо от названия, речь идет об одном и том же: пресса солидаризируется с обществом и старается способствовать его процветанию, поскольку от последнего зависит будущее самой прессы. К сожалению, эта функция не всегда совместима с теми функциями, что перечислены выше.

Мэр небольшого флоридского городка однажды заметил молодому репортеру: "Сынок, нам не нужен большой город, нам нужен *хороший* маленький город". Это было сказано в связи с предложением властей штата проложить неподалеку новую автостраду. В связи с этим возникает вопрос: если большинство горожан придерживалось того же мнения, что и мэр, была ли пресса обязана встать на ту же точку зрения? Или, может быть, долг прессы состоял в ином — беспристрастно рассмотреть предложение властей штата и ознакомить общество со своими выводами, даже если они не совпадают с мнением большинства. Ответ зависит от того, в чем редакция газеты видит свою основную задачу.

Несколько лет назад Герберт Ганс обнаружил, что жители города Левиттаун в штате Нью-Джерси хотели, чтобы

местная газета рисовала городскую жизнь лишь в облагороженном виде, ни в коем случае не вынося сора из избы. Они не желали обнародования никаких сведений, бросающих тень на их город.

Всегда есть вероятность, что журналисты и редакторы окажутся перед необходимостью принимать трудные решения, вызванные теми или иными неприятными ситуациями. Из-за этого работникам прессы частенько приходится выступать в качестве "сторожевых псов" или "ответственных граждан". Вот один лишь пример:

— Репортер вполне компетентно освещает работу Совета по здравоохранению своего округа, так что аудитория хорошо осведомлена о деятельности этого ведомства. Члены Совета, со своей стороны, всячески стараются убедить публику в полезности этой организации.

Совет — это крупная организация, в которой есть несколько отделов. Заведующая одним из них безупречно работает почти двадцать лет. Однако независимая аудиторская проверка обнаруживает, что эта дама весьма вольно обращалась с бюджетом, из-за чего две тысячи долларов были израсходованы не по назначению. Пока эти факты не стали достоянием гласности, заведующая решает возместить Совету растроченные деньги и досрочно уйти в "добровольную" отставку. Совет, обсудив ситуацию за закрытыми дверями, удовлетворяет просьбу заведующей, одновременно принимая меры для предупреждения подобных инцидентов. Члены Совета решают замять дело и не обсуждать его с прессой.

Журналисту надо решить, настаивать ли на полном расследовании и обнародовании полученных сведений, или же согласиться с мнением Совета, сочтя вслед за ним, что публикация столь дурно пахнущей истории никому не принесет пользы. В подобной ситуации большинство его коллег, разумеется, предпочли бы первый вариант — на том основании, что публика имеет право на полную информацию о работе

столь важного учреждения, как Совет по здравоохранению. Однако найдутся и сторонники другой точки зрения: деньги возвращены, прокуратура не вмешивалась, и лучше всего просто не поднимать шума.

Как показало обследование, результаты которого были опубликованы в 1971 г. в журнале “Паблик Опиинион Квотерли”, пресса как правило, стоит на страже авторитета местных властей. Оказалось, что “местная пресса чаще защищает институты местной власти, нежели сообщает о событиях, могущих возмутить общественное спокойствие”.

В эту ловушку подчас попадают даже газеты, удостоившиеся отличий. Одна местная газета на юге США, годами отмечавшаяся в общеамериканском масштабе за разоблачение ужасающих условий содержания заключенных и дискриминации меньшинств в соседних районах, редко оказывалась столь же бескомпромиссной по отношению к властям собственного города, за что ее критиковали другие газеты штата.

Когда Герберт Ганс проводил обследование в Левиттауне, один из местных репортеров откровенно признался, что не станет печатать ничего дурного о некоем местном деятеле, а просто с глазу на глаз поговорит с ним о его просчетах. Ганс объясняет эту позицию склонностью журналистов к отождествлению собственных интересов с интересами своего сообщества и его лидеров. Поэтому-то журналисты стараются ограничить критику и содействовать тем лицам и политическим программам, которые, по их мнению, заслуживают поддержки прессы. Ганс ссылается на пример одного редактора, не жалевшего места для положительного освещения деятельности некоей местной организации, но хранившего под сукном сообщения о ее внутренних неурядицах, поскольку эта организация приносила немалую пользу согражданам.

Другие редакторы настаивают на более полном и объективном освещении местных событий. Редактор одной из га-

зет Среднего Запада подчеркнул, что если журналист не выполняет одновременно функций сторожевого пса и подхлестывателя, то в конце концов рискует оторваться от аудитории и полностью лишиться влияния. Тот же редактор отметил, что цинизм для журналиста очень опасен.

Другой редактор предупредил, что газете не следует слишком увлекаться ролью “общественного организатора”. По его словам, журналист вправе любить и хвалить свой город, но очень плохо, если он игнорирует серьезные проблемы, лишь бы не спугнуть предпринимателей из других мест.

Хотя “подхлестывание” в чистом виде не входит в число обязанностей репортера, он не может и не должен отрываться от тех, с кем по соседству живет и для кого трудится. Хотя и трудно предложить однозначный рецепт журналистского поведения, можно посоветовать не оставаться глухим к проблемам окружающих. Если это отношение сочетается с профессионализмом и нравственной ответственностью, журналист займет должное место в своем сообществе. Журналисту, обдумывающему, как достойно построить отношения с властями, стоит вспомнить слова Джона Мильтона:

“Превыше всех свобод я ставлю свободу слова, свободу открыто высказываться в соответствии с собственными убеждениями и собственной совестью. Это свобода, но не право: читатель не может требовать знания, он может лишь требовать права приобретать знание своими собственными усилиями.

Знание нельзя путать с мнением, которое может быть произвольным и ни на чем не основанным. Если читатель хочет обладать знанием, он должен получить настолько полные и точные сведения о предмете, насколько в человеческих силах их добыть.

Обретение такого знания все равно останется лишь первым этапом. Его еще предстоит понять и усвоить — лишь

тогда его можно обсуждать и строить на нем доводы в споре. Возможно, читатель и не просит ничего, кроме фактов, и это вполне серьезное требование. Но журналист и писатель хотят свободно говорить и спорить. *Они должны сами и добывать знание, и преподносить его окружающим*".

Эти слова сохраняют силу и для современных журналистов. Как говорил Гарри Трумэн, нужно либо не бояться жара, либо убираться из кухни.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Репортер укрылся в рощице низкорослых пальм, прихлопнул на себе надоедливый комар и замер в ожидании. Он узнал из надежного источника, что один из боссов администрации округа использовал муниципальный бульдозер, прокладывая подъездную дорогу к собственному земельному участку. Чтобы проверить это, репортер решил прибегнуть к самому надежному способу — убедиться лично.

— Другой репортер пришел к финансовому контролеру издательской фирмы, чтобы тот помог ему разобраться в деталях годичного финансового отчета некой больницы. Он решил проверить этот отчет, узнав по своим каналам о сомнительном переводе части больничных фондов, предназначенных для экстренных обстоятельств, на личные счета медицинского персонала.

— Еще одна журналистка целых три недели просидела в архиве местного суда, изучая решения межевой комиссии. В ходе скрупулезной проверки она убедилась, что комиссия явно благоволила к некоторым землевладельцам, в результате чего их участки сильно подскочили в цене.

То, чем занимались все эти репортеры, обычно называют журналистским расследованием. Телерепортер Карл Бернштейн как-то отметил, что хорошая журналистская работа всегда предполагает элементы расследования. Действительно, в каком-то плане все репортеры время от вре-

мени как бы и "същички". Однако по отношению к действиям власти термин "журналистское расследование" приобрел более глубокий и конкретный смысл. Он обозначает активный поиск информации, которую кое-какие влиятельные лица и группы предпочли бы держать в тайне от сограждан.

Корреспондент может без особых усилий выяснить в архиве штата, насколько доходы тренера университетской футбольной команды превышают зарплату президента университета. Но если он захочет узнать, не был ли некто зачислен в университет за свои спортивные успехи без должной учебной подготовки, то чтобы получить доступ к документам приемной комиссии, придется затратить куда больше времени и усилий.

Как правило, хороший репортер обладает многими профессиональными качествами, позволяющими успешно провести квалифицированное расследование. Однако часто эта задача требует и дополнительных достоинств, таких как:

— Спокойствие и чрезвычайная настойчивость, умение пройти до конца даже по ложному следу и, не унывая, вновь начать с начала распутывать новую ниточку.

— Чутье, позволяющее даже в отсутствие достоверной информации предположить, что "неладно что-то в датском королевстве"; здоровая подозрительность, позволяющая преодолеть естественное желание бросить расследование.

— Твердая уверенность, что граждане имеют право на полную информацию обо всем, что затрагивает их интересы и на что они расходуют свои деньги, покупая товары, внося налоги, выплачивая гонорары за услуги либо проценты по банковским займам.

— Хорошее владение логикой и аналитическими навыками, а также готовность не жалеть сил, даже при понимании того, что из трехмесячной работы может так и не выйти никакой публикации.

Есть еще одна сторона журналистского расследования,

повышающая требования к тем, кто занимается этим делом. Задача расследования состоит в разоблачении преступлений и выявлении виновных, причем репортер выступает в роли обвинителя. Его выводы должны быть точными и объективными — от этого зависят благополучие и репутации живых людей. Это нелегкое бремя и серьезная ответственность.

Конечно, объектами журналистских расследований становятся не только государственные учреждения и их руководители и сотрудники. Репортеры точно так же занимаются делами промышленных компаний и финансовых учреждений, политических организаций и благотворительных обществ. Нередко бывает, что расследование выходит далеко за рамки первоначального предмета.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Анонимный телефонный звонок раздался в редакции газеты во время ночной смены, когда в отделе новостей царило необычное спокойствие. Утренний номер уже был сдан в печать, и тишину не нарушало ничто, кроме шипения в приемнике, настроенном на волну полицейской связи.

Звонивший сразу взял быка за рога. «Вам, ребята, надо бы поинтересоваться земельным участком мистера Докмана, найдете кое-что любопытное». Он отказался представиться, но заверил репортера, что тот не потратит времени зря.

Такие отрывочные сведения и намеки, исходящие от бдительных или чем-то рассерженных информаторов, нередко дают начало тщательному просеиванию великого множества официальных бумаг в поисках крупного или мелкого жульничества. В данном случае проверка могла показать, что участок, когда-то числившийся за Докманом, неожиданно перешел в другие руки, причем эта покупка подозрительно совпала с началом официально не объявленных переговоров о выделении земли под строительство нового завода как раз неподалеку от участка.

Какие бы сведения ни получил репортер, он прежде всего должен обдумать возможные последствия их обнародования. К чему могут привести журналистские раскопки? Что следует изучить и проверить? Какие и куда потянутся ниточки? Насколько важную информацию можно получить? Как итоги расследования повлияют на местные дела в целом и на тех людей, которые будут втянуты в его орбиту? Сколько времени понадобится, чтобы размотать весь клубок? Куда и к кому придется обратиться за помощью? Где искать источники относящейся к делу информации? Репортеру необходимо ответить на многие такие вопросы еще до фактического начала расследования.

Нередко полезно заранее прикинуть максимальный и минимальный варианты возможных результатов расследования. Например, может случиться, что репортер обнаружит лишь факт выделения неким чиновником двух тысяч долларов на закупки, необходимость которых не очевидна. С другой стороны, расследование может доказать, что этот же чиновник систематически запуская лапу в общественную казну и дело пахнет для него крупным штрафом или тюремным сроком.

Иногда журналист сразу выкладывает все самому подозреваемому, предоставляя тому возможность оправдаться и позже проверяя его разъяснения.

Расследование, как правило, разветвляется по многим направлениям, так что журналист нуждается в самодисциплине и умении не потеряться за деревьями леса. Очень важно методично систематизировать сведения и иметь для каждого дела хорошую картотеку. Самый осведомленный журналист не может знать всего, поэтому очень важно эффективно приобретать нужные сведения. Корреспондент Службы новостей Ганнета Роберт Хеджес рекомендует никогда не пренебрегать мнениями специалистов, которые могут значительно помочь в сборе и анализе информации:

«Допустим, вы занимаетесь какой-то корпорацией, но

мало что о ней знаете. Найдите ее конкурента, который согласится с вами сотрудничать и которому вы можете доверять, и попросите его ознакомить вас с типичными особенностями работы подобных предприятий". Хеджес рекомендует без страха обращаться за помощью к банкирам, бухгалтерам, биржевым брокерам и юристам. "Каждый из них — специалист в своей области, и многие с готовностью откликнутся на просьбу о помощи, если просящий откровенно признается, что ему не хватает компетентности".

ОБРАЩЕНИЕ С ИСТОЧНИКАМИ

Толчком к журналистскому расследованию может стать не только анонимный звонок, но практически любое сообщение, причем главную роль играют именно полученные сведения, а не то, откуда они поступили. Репортер проверяет фактические данные, каков бы ни был их источник.

Получив информацию, журналист должен оценить именно информацию, а не мотивы субъекта, от которого она поступила. Недовольный служащий, которого, возможно, обошли с повышением, "сигнализирует" в газету, что начальник халтурно ведет делопроизводство. Крупный чиновник может начать исправлять грехи своего ведомства, просто устав от разгильдяйства, бюрократизма и мелкой коррупции. Сор из избы может вынести и специалист, которому надоели подачки за казенный счет "нужным" людям с политическими связями.

Журналист Билл Слоут приводит такой пример:

"В 1972 г. один флоридский постовой с большим стажем работы в полиции пожаловался на своего начальника в газету "Тудэй" в Титусвилле. Он принес ксерокопии трехсот штрафных квитанций, извлеченных, по его словам, из запечатого ящика в городском управлении полиции. Все штрафы были аннулированы по приказу старших офицеров полиции и самого начальника, хотя ни один из оштрафованных не обращался в суд с жалобой на незаконность штрафа".

Репортер быстро обнаружил, что квитанции были выписаны на имя городских чиновников, политиков, банковских служащих — членов загородного клуба, где состоял и шеф полиции, а также их детей. Строго говоря, распоряжения начальника полиции об аннулировании штрафов не были противозаконными, но их обоснованность выглядела явно сомнительной. Репортер опубликовал свои выводы, и через несколько месяцев начальник полиции потерял свою должность.

Те, кто возбуждает судебные иски, нередко сообщают репортерам куда больше сведений, чем появляется в официальных протоколах. Фирма, подозревающая, что прибыльный государственный контракт может уплыть у нее из рук, поскольку конкуренты дали кому надо "на лапу", скорее всего с готовностью поделится этими сведениями с журналистом.

Бывает, что первоначальные сведения поступают от любителей слухов, которые даже не всегда осознают, что могут причинить неприятности собственному начальству. Подчас люди делятся информацией, чтобы просто "облегчить душу", подчеркивая, что сами ни в чем не замешаны, вина лежит на ком-то другом. Кое-кому нравится роль "всезнаек", и они с готовностью выдают журналисту истории, не внушающие доверия, хотя иногда и содержащие реальные факты. Чтобы поддержать свою репутацию, такие люди постоянно гоняются за новыми сплетнями. Их рвение не нуждается в оплате, и подчас к ним стоит обратиться, чтобы получить кое-какие данные, недоступные посторонним. Но к таким информаторам следует относиться крайне осторожно, поскольку их рассказы нашпигованы преувеличениями.

Иногда информация приходит из совершенно неожиданных источников. Как-то, например, не назвавшая себя студентка консерватории сообщила, что один из профессоров буквально заставляет ее брать дополнительные уроки и платить за них лишние сотни долларов. Журналистское рас-

следование обнаружило, что этим занимались и другие преподаватели, от чего пострадали десятки студентов.

Есть много других мотивов, по которым люди делятся информацией, — обида, месть, корысть и тому подобное. Уволенный или обойденный наградой чиновник или политик, желающий свести счеты с конкурентами, может охотно общаться с репортером, проявляющим интерес к его рассказам. Отнюдь не все подтверждается, но усиленно циркулирующие слухи обычно заслуживают проверки — дыма без огня не бывает.

Даже удивительно, как много сведений могут дать репортеру торговые агенты, не добившиеся контрактов и обуреваемые желанием насолить конкурентам. Именно по таким сигналам вышел на интересный след репортер одной из газет Среднего Запада. Он обнаружил, что три транспортные фирмы предложили муниципальным властям свои услуги на удивительным образом сходных условиях. Оказалось, что конторы этих фирм расположены в одном и том же здании, а их менеджеры имели многочисленные общие деловые интересы. Каждый менеджер при подаче заявки в письменной форме заявил, что ни с кем не договаривался о тарифах и других условиях контракта. Собранные журналом сведения позволили предположить, что менеджеры вступили друг с другом в тайный сговор — нарушение закона, наказуемое штрафом или тюремным заключением.

Еще одна многообещающая область журналистских исследований — государственные субсидии. Тысячи таких субсидий распределяются ежегодно, причем каждая из них выделяется на определенных условиях и ради определенной цели, например, помощи какой-то группе. Задача репортера — узнать, были ли эти условия соблюдены, а цель выполнена.

ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Успех журналистского расследования в решающей степени зависит от отношений репортера с теми, кто делится с ним сведениями на условиях конфиденциальности. Журналисту не обязательно знать, почему его информаторы настаивают на таких условиях, но он должен позаботиться, чтобы их имена остались неразглашенными. Нужно избегать любых действий, которые могли бы привести к раскрытию анонимных источников.

Конечно, ни один поставщик журналистской информации не обладает абсолютным правом на анонимность, и журналист не может его гарантировать. Например, судья может распорядиться, чтобы репортер в интересах правосудия сообщил, откуда он получил те или иные сведения, причем в наше время такие распоряжения отдаются чаще, чем в прошлом. Журналистам рекомендуется следить за прецедентами этого рода и быть в курсе распространенных юридических норм и судебных решений, относящихся к праву средств массовой информации оберегать тайну анонимных источников. В некоторых случаях закон разрешает не разглашать их имена, но так бывает далеко не всегда.

Необходимо тщательно сопоставить ценность сведений, полученных от анонимного осведомителя, с последствиями, которые может иметь решение суда, предписывающее назвать его имя. Лучшая стратегия состоит в том, чтобы не ставить в уязвимое положение ни самого журналиста, ни его информаторов. Нужно приложить максимум усилий, чтобы подтвердить публикуемые материалы посредством официальных документов и других подобных источников. Даже в частных записях журналиста анонимные осведомители не должны выступать под подлинными именами — гораздо безопасней пользоваться кличками. Рекомендуется ограничить до абсолютного минимума число лиц, способных определить каналы анонимной информации.

Репортера, который уничтожает или переделывает записи *после* того, как они официально затребованы органами правосудия, могут обвинить в неуважении к суду. Самое надежное — как можно раньше избавиться от всех документальных свидетельств, содержащих информацию, которая может повлечь раскрытие источника.

Бывший журналист Кларк Молленхофф предупреждает молодых репортеров:

“До тех пор, пока вас не освободят от ответственности за защиту своих конфиденциальных источников, над вами всегда висит дамоклов меч оплаты услуг адвоката, штрафа или даже тюремного заключения, не обязательно краткого. Издатель может взять на себя расходы, но срок вам придется отбывать самому”.

КАК ВЫПОЛНИТЬ ЗАДАЧУ?

Журналистское расследование нередко требует особых усилий. Весьма часто репортер пытается раздобыть сведения, которые государственная организация или частная фирма хотели бы держать в секрете. Поскольку корреспонденты не вправе вызвать к себе свидетелей повестками, приходится прибегать к иным методам.

Хорошие репортеры применяют для своих раскопок самые разные инструменты. Очень помогает умение убедить потенциальных информаторов, что им выгодно поделиться нужными сведениями. Если журналист пользуется всеми доступными ему аргументами для получения необходимой информации, это совсем не означает, что он нарушает профессиональную этику.

Заместитель окружного прокурора может прекрасно понимать, что обладает взрывоопасной информацией, но отсюда совсем не вытекает, что он захочет обсудить ее с журналистом. Задача репортера и состоит в том, чтобы убедить служителя закона, что он проверит сообщенные ему

сведения на стороне и не будет ссылаться ни на самого зампрокурора, ни на его ведомство.

Умелые репортеры нередко “сталкивают источники лбами”. Например, журналист может намекнуть несговорчивому собеседнику, что расследование в основном закончено и что в его собственных интересах лучше поделиться недостающими сведениями (при этом неплохо присовокупить кое-какие факты, чтобы источник не сомневался в осведомленности репортера). В этом случае журналист, производящий расследование, ведет себя так, как будто уже знает все основные факты, хотя на деле, возможно, всего лишь блефует.

В беседе совсем не вредно напустить на себя уверенный вид, давая понять, что дополнительные вопросы задаются только ради вящей точности. В то же время репортер должен неизменно оказывать собеседнику должное уважение. Беседа “с позиции силы” иногда приносит ценную информацию, но прибегать к этой тактике следует с осторожностью.

Проводя журналистское расследование, часто приходится использовать конкуренцию между различными организациями. Конечно, это не значит, что репортер должен посвятить все свое время раскапыванию всех и всяческих осиных гнезд, но ему не грех помнить и использовать то обстоятельство, что каждое ведомство имеет свои интересы и симпатии, на различиях между которыми во имя истины не возбраняется и сыграть.

Нередко очень помогает предварительная публикация лишь части имеющихся материалов, даже если расследование еще не закончено. Вот что об этом пишет Роберт Каро:

“Репортеры-новички быстро приходят к выводу, что информация, которую так трудно получить на ранней стадии любого нового расследования, начинает поступать в изобилии сразу после появления в печати первой же статьи с уже собранными сведениями. В каждой заинтересованной организации найдутся борцы за правду, любители подга-

дить начальству и просто недовольные, которые охотно поделятся тем, что знают”.

Опытные журналисты быстро и умело находят контакты с самыми разными источниками нужных сведений.

Следует помнить, что официальные документы и записи бесед с чиновниками и политиками обычно дополняют друг друга. Начав с документов, журналист может задать потом и более конкретные вопросы. С другой стороны, документы позволяют проверить и оценить устную информацию. Тщательно изучив официальные бумаги и публикации, журналист легче распознает ложь, когда собеседник попытается ввести его в заблуждение. Кроме того, осведомитель может передумать и отказаться от своих слов, но если у журналиста уже есть надежные официальные документы, это сделать куда трудней.

Корреспондент “Ньюсдэй” Роберт Грин рекомендует для журналистского расследования тактику “медленно затягиваемой петли”. По его мнению, лучше всего начать со второстепенных лиц и событий и постепенно, не привлекая внимания к расследованию, подбираться к главным фигурам, не возбуждая их подозрений.

Как-то редактор Кент Фриланд вместе с двумя сотрудниками занимался расследованием махинаций нью-йоркской мафии, пытавшейся получить выгодные контракты на уборку улиц и установку торговых автоматов. Вот что он вспоминает:

“Сначала мы вышли на нескольких второстепенных участников этой операции. Затем мои помощники выявили двух руководителей, которых проинтервьюировали в разное время и поодиночке. Тщательное сравнение записей этих бесед обнаружило противоречия, которые и послужили отправными точками для продолжения расследования”.

Бывает и так, что журналист, отказавшись от обходных путей, может сильно упростить задачу и сократить про-

должительность расследования. Например, вместо того, чтобы тратить многие часы, раскапывая в муниципальных архивах сведения об имуществе крупного землевладельца, лучше начать с биографического справочника или прямо позвонить его секретарю. Люди с положением в обществе нередко тщеславны и сообщают о себе немало сведений, подчеркивающих их богатство и влияние. Таким путем репортер может сберечь немало времени для решения более серьезных проблем.

Вот о чем еще нужно помнить: лица, включенные в круг журналистского расследования, часто выдают обильную информацию, но пытаются выставить себя в выгодном свете. Если они в чем-то и признаются, то настаивают, что не совершили ничего противозаконного. Репортеру следует не только проверить все сообщенные ему факты, но также дать собеседникам возможность самим прокомментировать все выдвинутые против них обвинения. Цель журналиста — собрать объективные сведения и выяснить истину, а не “подловить” то или иное лицо. Никогда не следует пренебрегать консультацией с юристом, особенно если нужно обеспечить секретность источников полученной информации или проверить, противозаконны ли расследуемые действия.

Наконец, журналист обязан избегать даже пустячных ошибок. Сколько было случаев, когда официальным лицам, явно замешанным в неблагоприятных делишках, удавалось выйти сухими из воды или, как минимум, подорвать доверие к обвинителям именно из-за мелких неточностей в репортажах. Билл Слоут, выполнивший немало журналистских расследований, как-то сообщил, что сумма, которую муниципальная комиссия уплатила за землю для автостоянки, оказалась на сто тридцать тысяч долларов выше реальной стоимости участка, определенной официальным оценщиком — и это при том, что годом раньше ту же землю можно было купить даже за меньшие деньги. Однако Слоут допустил крохотную неточность: он написал, что комиссия уже

приобрела участок, а на самом деле к этому времени прошло лишь голосование по поводу этой сделки. Из-за этой-то ошибки члены комиссии подняли страшный шум, хотя во всем остальном журналист ни на йоту не отклонился от истины. Позднее Слоут писал, что достоверность самого слабого звена журналистского сообщения в точности равна достоверности самого сообщения — это серьезный урок для всех репортеров.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОФИЦИАЛЬНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

Лауреаты журналистских премий Дональд Барлетт и Джеймс Стил не отрицают, что копаться в залежах сухих и поначалу малопонятных документов и статистических данных — весьма скучное занятие. Но они вместе с тем отмечают, что изучение официальных бумаг и архивных данных значительно помогает репортеру выполнять важнейшую общественную функцию — наблюдать за деятельностью государственных институтов и информировать об этом общество.

Почти каждое серьезное журналистское расследование основано на документальной информации. Идет ли речь о государственном учреждении или частной корпорации, всегда найдутся необходимые досье, из которых можно, как мозаику, составить полную картину. Если репортер занимается расследованием деятельности частной фирмы, то сведения о ней можно получить в учреждениях различного уровня, как местных, так и федеральных. Уже владея справочной информацией, журналист может обратиться непосредственно к руководству фирмы. Если ему не удастся получить ответа на свои вопросы, то дотошный репортер раздобудет необходимые сведения и в других местах. Точно так же журналист ведет расследование деятельности государственных учреждений.

Стэнли Ротман

НОВАЯ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПОЛИТИКА И ТЕЛЕВИДЕНИЕ

В 1988 г. сенатор Джозеф Байден начал борьбу за президентский пост, но все его надежды пошли прахом, когда публика узнала, что он уличен в плагиате одной из речей лидера британской лейбористской партии Нейла Киннока. Размышляя об этом, газета “Нью-Йорк Таймс” отметила, что за последние тридцать лет телевидение фундаментально изменило структуру политических кампаний. В пятидесятые годы пресса, действовавшая в те времена с подачи партийных лидеров, скорее всего просто оставила бы без внимания разоблачения, подобные закрывшим Байдену (равно как и Гэри Харту) путь в Белый Дом.

В наше время, отмечает “Нью-Йорк Таймс”, ситуация радикально изменилась — средства массовой информации сами оценивают кандидатов на политические должности. Видеозаписи, с полной убедительностью доказавшие, что сенатор Байден в Нью-Хэмпшире копировал выступление Киннока, и в самом деле оказались мощным средством воздействия на публику. В наше время телекоммики типа Джонни Карсона и Дэвида Леттермана вполне способны покончить с некоторыми претендентами на политические посты, как это и произошло с Байденем.

“Нью-Йорк Таймс” лишь с запозданием признала, что за последние тридцать лет произошла революция в характере и воздействии средств массовой информации, как в самих Соединенных Штатах, так и в других развитых индустриальных обществах. Это вновь четко продемонстрировали первичные президентские выборы 1988 г. Наблюдатели практически не обнаружили никакой “при-